

месте... Ад, по их представлениям, находился где-то в горах, там царил страшная жара, все кипело – доказательством этого служили горячие источники, текущие с гор. Рай помещался под горой Кавказ в роскошном светлом доме, где пользовались всеми райскими наслаждениями люди, угодившие богу. Казаки верили, что у таких людей после смерти есть признаки, по которым можно судить о святости, поэтому на 40-й день после смерти человека, выделявшегося при жизни особым благочестием и строгой нравственностью, вечером тайно в присутствии лишь самых близких родственников вскрывали могилу и осматривали мертвеца. Если оказывалось, что у умершего нет большого пальца на правой руке или двух перстов, а иногда и целой кисти, "с крестом", как выражались, то его считали угодившим богу, святым" [16; 20].

Обобщая можно заключить, что в похоронно-погребальных и поминальных ритуально-обрядовых традициях гребенцов сохранились следы древних дохристианских верований восточных славян (особенно у гребенских старожил-казаков) – поклонение стихийным силам природы, еще не наделенных антропоморфными чертами, вера в злую и добрую силу колдунов и знахарей, культ родовых предков, которые заимствованы, в том числе, и у тюркоязычных и горских народов.

Таким образом, у гребенцов сложилась особая мифологическая семиотическая система, упорядочивающая в своём составе различные по происхождению и по времени возникновения знаки, однако степень подобного проникновения ещё должна быть изучена путём дальнейшего исследования мифологических представлений гребенских казаков, заключающегося в анализе обрядов, поверий и связанных с ними демонологических персонажей, что и определяет дальнейшие перспективы научных исследований.

Литература:

1. Борисов Д. Свадебные обряды в станице Наурской. // Терские ведомости. – 1885. – № 10.
2. Бороздин. Станица Ищерская. СМОМПК. – Вып 16. – Владикавказ, 1893.
3. Востриков П.А. Поверия, приметы и суеверные обычаи наурцев. СМОМПК. – Вып. 37. – Владикавказ, 1907. – Р. 2.
4. Востриков П.А. Поверия, приметы и суеверные обычаи наурцев. СМОМПК. – Вып. 33. – Владикавказ, 1907. – Р. 2.
5. Заседателева Л.Б. Терские казаки. – М. : Изд. Московского университета, 1974.
6. Зубко Г.В. Миф: взгляд на Мироздание. – М. : Университетская книга, 2008.
7. История культуры древней Руси. – Т. II. – М. ; Л., 1951.

8. Кагаров Е.Г. Венчание покойников у немцев Поволжья. // СЭ. – 1936. – №1.
9. Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры. – М. : Гардарика, 1998.
10. Кузнецов В.А. Эпосы Северного Кавказа. В кн.: "Славяне и Русь" (Сборник статей) К шестидесятилетию академика Б.А. Рыбакова. – М., 1968. – С. 80–86.
11. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М., 1927.
12. Леви-Стросс К. Структура мифа // Вопросы философии. – 1970. – №7. – С. 153–154.
13. Посев А.Ф. Диалектика мифа. Философия. Мифология. Культура. – М., 1991.
14. Лурье С.В. Историческая этнология. – М. : Академический Проект ; Гаудеамус, 2004.
15. Максимова С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб, 1903.
16. Малявкин Г. // Терские ведомости. – 1891. – № 50.
17. Малявкин Г. Станица Червленая. // Этнографическое обозрение. – 1891. – № 50. – С. 1–2.
18. Григорьев А.Ф. Материалы фольклорно-этнографических экспедиций по станицам Наурского и Шелковского р-н. ЧИАССР. (1976–1980 гг.) // Региональный Фонд традиционной казачьей и славянской культуры Ставрополя "Возрождение". Единственный сохранный фонд аудиозаписей. Ставрополь. 2010.
19. Полевые материалы ЗСЭЭ МГУ, 1970.
20. Полевые материалы ТЭЭ МГУ, 1965.
21. Полевые материалы ТЭЭ МГУ, 1961–1962.
22. Полевые материалы ТЭЭ МГУ, 1961–1965.
23. Полевые материалы ТЭЭ МГУ, 1963.
24. Полевые материалы ТЭЭ МГУ, 1971.
25. Райков В.Л. психологические истоки мифа и его эволюционный смысл // Мир психологии. 2003. – № 3. – С. 44–47.
26. Рыбаков Б.А. – Язычество древних славян. – М. : Наука, 1981.
27. Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. – М. : Академия, 2001.
28. Сайко Э.В. Миф – феномен социальной эволюции, этап становления и способ организации мышления // Мир психологии. – 2003. – № 3. – С. 7–8.
29. Семенов П. О народной медицине. // СМОМПК. – Вып. 16. – Р. 1. – С. 207–208.
29. Снесарев Г.П. Реликты до мусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. – М., 1969.
30. Чирков Ю. Традиционные песни казаков казачьей линии Дагестана. "Ой, орел, ты орел". – СПб., 2009.
31. Шеллинг В.Ф. Философия искусства. – М., 1999.
32. Элиаде М. Аспекты мифа. – М., 2005.
33. Элиаде М. Мефистофель и Андрогин. – СПб. : Алетей, 1998.
34. Malinowski B. A Scientific Theory of Culture. – Chapell Hill, 1944.
35. Miller D.R., Ewanson G.E. Inner Conflict and Defence. – N. Y., 1966.

THE SONG FOLKLORE OF THE TERC COSSACKS

Grigoriev Anatoly Fedorovich, PhD of Pedagogic, Associate Professor, Honored worker of arts ChR,

*Chair of Theory and Technique of Music Education,
Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol*

**Tolstokorova Elena Vasilevna, Lector,
Stavropol Regional College of Arts, Stavropol**

In the article attempt of the culturological analysis of the maintenance of poetry song folklore of the Terec Cossacks as means of allocation of valuable dominants and special ideology in the system forming a cultural-ethnic picture of the world is undertaken.

Keywords: *valuable dominants; ethnic stereotype; song folklore; thematism.*

УДК 398.221

ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР В ИСТОРИОСОФИИ ГРЕБЕНЦОВ

© Григорьев А.Ф., 2011

© Толстокорова Е.В., 2011

В статье предпринята попытка культурологического анализа содержания поэзии песенного фольклора гребенцов как средства выделения ценностных доминант и особого миропонимания в системе, образующую культурно-этническую картину мира.

Ключевые слова: *ценностные доминанты; этнические стереотипы; песенный фольклор; тематизм.*

По точному выражению С.В. Лурье, именно тексты традиционного песенного фольклора, написанные рукой носителя данной этнической группы, могут явиться "квинтэссенцией некой ценностной системы" [1], поскольку они отражают ценностные доминанты, на основе которых сформировалась та или иная идеология.

Характеризуя содержание песенного фольклора казаков, важно отметить, что благодаря жанровому многообразию, гребенская лирика оказывается способной к разносторонней разработке тем, изображению ряда существенных явлений действительности с различных идейно-эмоциональных позиций. Одна и та же тема может получить серьезное и шутовое, трагическое и комическое, веселое и грустное музыкально-поэтическое разрешение, в зависимости от того, в каком жанровом "ключе" будет идти такое разрешение.

Важнейшее место в песенном фольклоре гребенцов занимает обширный цикл, посвященный военной службе и всему комплексу бытовых явлений и переживаний, связанных с этой темой. Значимость и разнообразие этого раздела объясняется тем, что терско-гребенское казачество более трех столетий несло тяжкий груз воинских обязанностей, которые превратились в важнейшую составляющую часть его быта и духовной жизни, определив во многом общественные, семейные, хозяйственные и иные отношения в станичном укладе.

В песнях военной тематики, прежде всего, нашли отражение чувства патриотизма, тоски по родным краям, выражена постоянная готовность защитить границы России от внешних врагов и постоять за ее интересы, что, безусловно, повлияло на мировоззрение и менталитет казаков. В одной из них генерал Маламакин, а в другом варианте "император царь Ляксандр", обращаются к казакам перед битвой с турками: "С полдня ветер поддувает, / С громом дождичек идет. / Турок войско собирает, / Пишет в гости к нам придет...". Далее в песне идет обращение к казакам и солдатам: "Вы казаки и солдаты / Вы не бойтисся орды / Стройте козлы и лафеты / Заряжайте картежом / Режьте, бейте, не жалеите / Прямо лезьте на ура". В тексте описывается бесприммерно отчаянная битва казаков, где подчеркивается их мужество и героизм: "Трое суток мы дралися / Кровь лилася с нас рекой. / По лоциночкам сливалась / Становилася морей. / ...Мы считали кровь за воду, / Но нелзя нам было пить" [2].

В другой песне тема войны приобретает интонации скорбной печали и горести родных в память о погибших казаках на чужбине: "От горя на западном фронте / Еще на Карпатских горах / Там бьются

ГРИГОРЬЕВ

Анатолий Федорович,
кандидат педагогических наук,
доцент,
Заслуженный деятель искусств ЧР,
кафедра Теории и методики музыкального образования
Ставропольский государственный педагогический институт,
Ставрополь
grig.26rus@gmail.com

ТОЛСТОКОРОВА

Елена Васильевна,
преподаватель,
Ставропольский краевой колледж искусств,
Ставрополь

казаки за правду / И смерть не страшит храбрцов. // Там льются кровавые протоки, / С утра до вечерней зари, / А дома отец во кручине / И с ним пригоринилась мать. // ... А дома жена молодая / Качает детей на руках. / Как вырастут дети-сиротки / И спросят: "А где наш отец?" // А мать со слезами отвечает: / "Отец ваш убит на войне". / Убит он зарею на рассвете, И кости рассыпаны вдали, / Со всех сторон слетятся пташки / И вечную память пропают" [3].

Песенная поэзия гребенского фольклора, как содержательная наполняющая, полна ощущения безмерных горестей, страданий и жизненных конфликтов, которые влекла за собой военная служба. Служба как источник многих трагедий в личной жизни, приносила долгую разлуку, подрывала семейное благополучие. В пример можно привести много песен, проникнутых глубокой горестью, наполненных эмоциональными чувствами жизненной конкретности. Это темы проводов казака на службу, прощания казака с молодой женой, они же прорабатываются и в "мужских" военных песнях. Вместе с этими мотивами встречаются и мотивы удаляества, оптимистического взгляда на службу и поход: "С Малки, Терека, Кубани / Довелось собраться нам, / Чтобы дали басурманы / Честь и место казакам. // Видно турки в старом деле / Заартачились не впрок. / Позабыть уже успели / Прежде заданный урок. // Лезут с грозною замашкой, / Иль пойдем навстречу им. / За казачьей острой шашкой / Туркам память подновим. // Для начала ради скуки / Мы потешимся слегка. / Пусть себе баши-бузуки / Распознают казака. / Перед всем крещеным миром / Пусть же век поется нам, / Честь и слава казакам" [4].

Несомненно, что функции отражения всего сложного идейного комплекса, связанного с войной и военной службой, в какой-то мере разделены между лирикой и эпосом. Если на долю исторических (эпических) песен, главным образом, выпала задача – отобразить основные исторические факты военной деятельности казаков, сосредоточив основное внимание на выявление ее героико-патриотических мотивов, то военная лирика получила совсем иные определяющие ее содержательные функции. В ней тема войны и военной службы преломилась через призму семейно-бытового, социального и интимно-сердечного восприятия. В этом смысле лирическая песня военной тематики вне исторична, поскольку, не учитывая объективно-исторических фактов, она абстрагируется от них, обобщая взгляды народа на самую сущность явления. Именно поэтому такая песня почти не поддается нажиму изменившихся исторических обстоятельств и лишь частично переходит в состав "литературного наследия". Именно этим объясняется, на наш взгляд, тот факт, что в современном репертуаре гребенских казаков военная лирика сохранилась зна-

чительно лучше, чем историческая песня, находящаяся в зависимости от памяти народа на факты истории.

Встречаются песни о "веселой службе" иронического характера. Особая тема военных песен – печальные думы казаков, заброшенных на "чужу-дальну сторонушку", о доме, о родной стороне. Глубокой грустью полны песни, в которых повествуется о событиях, происходящих в станице в отсутствие казака, а также песни о возвращении казаков со службы. Особенно эмоциональны песни, посвященные теме гибели казака, богато разработанной в терской поэзии вообще: "Тихий Дунай, Тихий Дунай к бережку клонит / Молодой казак, молодой казак полковничка просит / Полковничек молоденький, отпусти до дому / Может девица красная скупилась за мною. // Я бы рад бы отпустить, но ты долго будешь / Ты напейся воды холодной, про нее забудешь. / Пил я воду холодную, пил не напивался, / Любил девицу, любил красную, тай не навлюблялся. / Умер казак, умер казак, осталась Надежда / Остался конь вороной, золотая сбруя. / Сбрую мою золотую вы отдайте брату / Коня моего вороного ведите за мною. / Тело несут, коня ведут, конь голову клонит / За нем девица, за нем красная слезы на землю ронит" [5].

Наиболее значительны и популярны песни: о молодце, умирающем в чистом поле и посылающем с конем прощальный привет домой; о молодце, перед которым во сне проходит видение смерти. Одна из песен "Черный ворон" повествует о погибающем казаке, который просит ворона передать родным о своей гибели: "Полети-ка черный ворон к отцу к матери родной. / Расскажи там черный ворон, что за Родину я пал. / Отнеси платок кровавый милой девице моей, / Да скажи там на свободе, что женился на другой. / Я женился, перевенчался в чистом поле под кустом. \ Востра шашка была свашка, штык казенный был дружком" [6]. В целом военная гребенская лирика по праву может считаться одним из самых замечательных разделов русской народной песни.

Военные песни гребенцов, отражая все пережития военно-полевой службы, включают и тему встреч казаков после долгих боевых походов: "Пыль клубится по дороге / Слышны выстрелы порой / Из набега удалого / Едут сунженцы домой, ... / Жены, старцы и девицы / Все навстречу к ним идут / Градом сыплются вопросы / Из толпы со всех сторон / Где же муж мой, где сыночек / Где же братец мой родной. / Все казаки веселятся / И спешат под кров родной / Среди милого семейства / Встретить радость и покой" [7]. Жизнь и смерть, радость и горе практически пронизывают и оказываются совсем рядом во многих песнях.

Важнейшее место в лирике гребенцов занимает семейно-бытовой цикл. Семейно-бытовая тематика звучит и в военных песнях, где изоб-

ражена существенная сторона жизненного уклада казаков: постоянная разлука семьи с мужчиной, горе матери, жены, сестры, их тревога за судьбу любимого человека, ожидание встречи и т.д. Однако более разносторонне и углубленно картину этих отношений дает именно жанр семейно-бытовой лирики. Значительное внимание лирическая песня уделяет теме семейных раздоров и измены. В мужских песнях часты мотивы разгульной тоски, сожаления по напрасно растраченным чувствам. Одна из походных казачьих песен повествует об измене казачки своему жениху: "Кольцо казачка подарила, когда казак шел в поход, / Она дарила, говорила, что через год буду твоей. / Вот год прошел казак стрелою в село родное поскакал... / Он видит домик под горою, забилося сердце казака. / Навстречу шла ему старушка шутейно речи говорит, / Напрасно ты казак стремишься, напрасно мучаешь коня. / Тебе казачка изменила другому счастью отдала. / Он повернул коня налево и в чисто поле поскакал. / Он снял с плеча свою винтовку и жизнь покончил навсегда, / Пуцая казачка вспоминает меня, лихого казака" [8].

Тема семейной неверности разработана в ряде песен и двух планах – трагически-серьезном и легкомысленно шутливом. В одной из таких скоморошьих песнях "Все кумушки пьют" в легкомысленно шутливом тоне обыгрывается тема обмана старого мужа молодой женой и вместо богатых подарков жена получает ремennого кнута.

Обширный раздел казачьего песенного фольклора посвящен любовной тематике, где любовная лирика богато разработана по глубине чувств и эмоциональной насыщенности. Главным образом, это поэзия женская, передающая различные проявления и жизненные вариации любви, которые передают сюжетные тексты и эмоциональные настроения. В одной из таких лирических песен "Люблю я казаченька" повествуется о побывке казака в гостях у молодой казачки, которая уговорила казака заночевать, но вовремя его не разбудила. В другой популярной на Тереке песне "Загоралась во дворе калина" обыгрывается тема любви к замужней женщине, в которой казак выражает сожаление, что он уже женат. В шутливой, лирической песне "В островах охотник" звучат эротические интонации, в которых в поэтической форме выражено восторженное отношение казака к красоте девицы: "Волков мы видали, лисиц мы стреляли, / А таких красавиц – нигде не встречали... / Ах, ты злодей, что ж ты начудил-чудил, / Двадцать лет хранилась, а ты нарушил" [9].

Гребенская поэзия любовной песенной тематики почти не знает мотивов радостного, торжествующего, удовлетворенного чувства. В гребенских песнях тема любви и могилы проходит рядом в трагическом единстве, поскольку зачастую несчастная любовь неизбежно вызыва-

ет в девушке мысль о смерти. Любовь, изображаемая в песне, неизбежно соединяясь с сомнениями и отчаянием, обычно трагична: "Солнце скрылось за горою, стоит казачка у ворот. / И в дальний путь глядит с тоскою, и слезы льются из очей. / О чем казачка слезно плачешь, о чем, голубушка, грустишь. / "Одна беда всему виною – велят про милого забыть"... / но я его же не забуду, он сам на родину придет... / В живых меня он не застанет, к моей могилке подойдет" [10].

Одновременно с этими мотивами через весь цикл любовной лирики проходит тема сильного, искреннего чувства, способного выдержать все жизненные испытания. Тема любви разрешается в гребенских песнях и в шутливом тоне, несколько насмешливо описываются любовные похождения молодых людей. Мотивы неудовлетворенного, безответного чувства осмысливаются в песне скоморошьего склада в юмористической интонации.

Рядом с тремя ведущими тематическими комплексами (военная служба, семья и любовь) казачья лирическая песня разработала и сохранила множество других мотивов и тем, не замыкаясь в определенные законченные циклы. Так, например, встречаются лирические описания природы, которые образовались в результате "самоопределения" лирических зачинов, оторвавшихся в процессе эволюции жанра. Часто в песнях, посвященных жизненным событиям и интимным переживаниям, присутствует пейзажный лирический элемент, описывающий степи, горы и т.д. Данный элемент выступает не только в функции формальной символической образности, но и создает эмоциональный и локальный фон. Пейзажная зарисовка звучит в гимне терских казаков "Между серыми камнями", в поэтических строках которого вложена вся любовь казаков и восхищение своим Терекком: "Между серыми камнями / По ущельям среди скал / Серебристыми волнами / Бурный Терек пробегал. / Начиная у Казбека / Наверху среди снегов / Он уж больше, чем три века / Поит терских казаков". Тема восхваления своей малой Родины, ее природы затем перерастает в тему патриотизма, любви и преданности своему краю: "И споенный ледяною, / Чистой терской водой / Казак сердцем и душою / Любит Терек свой родной. / Заповедывали деды / Сберегать страны нам честь, / И за славу и победу / Своей жизни не жалеть" [11].

В песне гимнического склада "То не змей в траве зеленой", тема любви к своей природе, где "Терек восхваленный / К морю Каспию течет. / Он давно течет-струится, / Сам калякает с собой, / И все ждет когда случится / Провожать своих сынов" [12], преломляется через патриотизм. В песне звучит и готовность послужить за Россию.

Таким образом, содержание песенного фольклора гребенцов отражает и демонстрирует нам

историческую ретроспективу жизнедеятельности казаков, специфику их образа жизни, внутреннего образно-эмоционального строя, мировосприятия, философии жизни, которые, образуя ценностные доминанты и сливаясь воедино в религиозно христианские и исторические представления, заложили идейно-патриотическую ментальную основу и выработали этнические стереотипы казаков, что и составило основание их историософии.

Примечания

1. Лурье С.В. Историческая этнология. – М. : Академический Проект: Гаудеамус, 2004. – С. 317.
2. Кобанов А.С. Материалы фольклорно-этнографических экспедиций по станицам Наурского и Шелковского р-н. ЧИАССР (1967–1969 гг.). Региональный Фонд традиционной казачьей и славянской культуры Ставрополя "Возрождение". Единый сохранный фонд аудиозаписей // Ставрополь. – 2009. (запись в ст Червленной ЧИАССР).
3. Григорьев А.Ф. Материалы фольклорно-этнографических экспедиций по станицам Наурского

и Шелковского р-н. ЧИАССР (1976–1980). Региональный Фонд традиционной казачьей и славянской культуры Ставрополя "Возрождение". Единый сохранный фонд аудиозаписей // Ставрополь. – 2010. (запись в ст. Наурской).

4. Там же.
5. Григорьев А.Ф. Песни гребенских и терских казаков // (по материалам фольклорной экспедиции в ст. Калиновской ЧИАССР). – Ставрополь. 2002. – С. 16.
6. Григорьев А.Ф. Материалы фольклорно-этнографических экспедиций... (запись в ст. Калиновской).
7. Григорьев А. Песни гребенских и терских казаков... – С. 48–49.
8. Там же. – С. 42–43.
9. Там же. – С. 34.
10. Григорьев А.Ф. Материалы фольклорно-этнографических экспедиций... (запись в ст. Калиновской).
11. Григорьев А. Песни гребенских и терских казаков... – С. 19–20.
12. Там же. – С. 24–25.

NATIONAL ART CREATIVITY AS A MEANS OF EDUCATION IN THE NATIONAL PEDAGOGY

*Kalantaryan Lubov Alekseevna, PhD of Pedagogic,
Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol*

The genesis of national art creativity is inextricably linked with the development of national culture. The activity character allows you to understand national art creativity as the basis of the theory and practice of traditional pedagogy. Artistic, creative activity of the archaic human being means of cognition of the surrounding world. In the process of creative activity developed creative thinking, the value orientation, forming of moral-aesthetic, moral norms, providing an important educational and pedagogical impact on the younger generation.

Keywords: national art creativity, national art, national art culture, art creativity activities.

НАРОДНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ В НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКЕ

УДК 159.9

Генезис народного художественного творчества неразрывно связан с развитием народной культуры. Деятельностный характер позволяет понимать народное художественное творчество как основу теории и практики народной педагогики. Художественно-творческая деятельность архаического человека, являясь, средством познания окружающего мира. В процессе творческой деятельности развивалось творческое мышление, вырабатывались ценностные ориентации, складывались нравственно-эстетические, моральные нормы, оказывающие важное воспитательное, педагогическое воздействие на молодое поколение.

Ключевые слова: народное художественное творчество, народное искусство, народная художественная культура, художественно-творческая деятельность.

Обучение и воспитание – основа педагогики любого народа. К.Д. Ушинский отмечал, что система воспитания порождается историей народа, его потребностями и бытом, его материальной и духовной культурой, и не может существовать вне решения острых социальных проблем [6].

Выделяя как отрасли народной педагогики – теории народного воспитания и теории обучения, следует подчеркнуть их тесную взаимосвязь, так как традиционное воспитание предполагало и элементы

© Л.А. Калантарян

**КАЛАНТАРЯН
Любовь**

Алексеевна,
кандидат
педагогических наук,
Ставропольский
государственный
педагогический
институт,
Ставрополь

